

АНАСТАСИЯ МОШКОВСКАЯ
ПЯТЬ СНОВ

16+

2018

Анастасия Мошковская

Пять снов

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Мошковская А.

Пять снов / А. Мошковская — «ЛитРес: Самиздат», 2013

У нее было все, чтобы быть счастливой. Но рутина и тоска сжигали ее жизнь, пока случайный просмотр фильма и сны с его главным героем не заставили ее заново открыть себя.

Анастасия Мошковская

Пять снов

Глава 1.

Я застыла перед большим зеркалом в своей прихожей. Бесформенные белые пакеты с продуктами, отражаясь в зеркале, моментально превратили маленький коридор в хаос. Но меня это нисколько не смущало. Это было точным отображением моего внутреннего состояния.

С магазина я приехала в туманно-рассеянном настроении. Не снимая туфель и легкого плаща, бросив все покупки на проходе, я плюхнулась на пуф рядом с зеркалом и замерла перед отражением.

В супермаркете в корзине дешевых товаров я нашла темные очки, которые идеально сели на мою капризную переносицу, они так и приклеились к ней, как вторая кожа. Домой я пришла уже в обновке. Удивительная вещь – у меня несколько дорогуших брендовых очков, но только эти – были, так сказать, «моими». Не могу объяснить, зачем я стала ковыряться в этой корзине, я как заколдованная перебирала не нужные мне вещи. Очки, видимо давно ждали меня, и как-то сразу улыбнулись мне серой душкой из-под дерматинового ремня.

Я нехотя подняла очки на лоб. Яркий свет лампы над зеркалом, как и в супермаркете, нетактично подчеркнул морщинки у глаз. Время, не спрашивая меня, все глубже отражалось на моем лице. Я с неохотой признала, что причина моего минора – именно в этом.

Так бывает, что вчера тебе было двадцать пять, а сегодня – под сорок. И эта новость безжалостно сражает тебя.

Ах, если бы я жила в Рио, и мне можно было бы круглый год скрываться за темным пластиком дешевых очков! Хотя, и в солнечной Бразилии бывают дожди. От времени не спрятаться.

Не спрятаться. Я не могла с этим смириться. Я смотрела на взрослую дородную с крашенными волосами женщину в отражении, и необходимость смирения с этим отражением сводила меня с ума. Очки удачно скрывали постаревшую, обезвоженную кожу и усталые глаза, но опущенные плечи и какую-то обреченность во всем моем существе невозможно было скрыть ни за очками, ни за одеждой, ни за яркой косметикой.

Последние полгода меня начали преследовать вязкие и нежеланные мысли о старости. Даже не о самой старости, а о том, что жизнь конечна, о том, что она до неузнаваемости меняет людей. А сегодняшнее утро было последней каплей, которая переполнила чашу этих терзаний.

Мне было уже тридцать шесть. С одной стороны, я сделала очень много для своих лет. Окончила школу, институт, курсы бухгалтера, курсы закройки и шитья, еще один институт, получила права, сменила несколько работ, добиваясь на каждой определенных успехов, разбила несколько мужских сердец, пару раз сама оставалась с разбитым сердцем, вышла замуж и родила двоих детей, прочитала много гениальных книг и посмотрела чуть меньше гениальных фильмов. Я научилась одновременно совмещать в себе мысли о жареной курице, о тройке по математике у моей дочки, о новой нашумевшей книге и о педали тормоза.

Я всегда была на плаву.

С любимым мужем мы свили небольшое, но уютное и комфортное гнездышко. Не испытывали нужды. Мы стали успешной семьей во всех отношениях, и для окружающих, наверное, я создавала впечатление состоявшейся женщины.

Но всего этого было слишком мало. Если меня спрашивали, счастлива ли я, ответ всегда был утвердительным. Но я лукавила, потому что на самом деле не чувствовала счастья, не чувствовала моментов, которые потом могли бы помниться всю оставшуюся жизнь. Я не жила, я механически двигалась.

Рождение детей было несомненным счастьем. Но счастье это сопровождалось раздирающими болью и ужасом родами, испорченной навсегда фигурой, бессонными ночами, отсутствием духовной и физической близости с мужем, бесконечным переживанием за маленьких человечков, пониманием, что буду ответственна за них всю свою жизнь. Рождение детей сопровождалось невыносимо тяжелым грузом, который ссутулил мне спину.

Чем старше я становилась, тем больше я раздражалась, и тем тяжелее была ноша на спине. И не только из-за того, что становлюсь старше и теряю свежесть молодости, а из-за того, что момент, когда я верила, что все впереди, остается все дальше в прошлом. Я перестала мечтать и презирала тех, кто мечтает.

И вот бывали такие мгновения перед зеркалом, когда я застывала внешне, но оживала внутренне. Когда я признавала свои ошибки и механическую сущность своей жизни. В минуты откровений я решалась что-то менять и искать. Вдруг я начинала верить, что выход есть, и есть шанс выпрямить горбившуюся спину.

Один из пакетов зашелестел, на пол вывалилась палка колбасы. Я вздрогнула от неожиданности, и яркая солнечная мысль моментально испарилась. От нее еще некоторое время в сознании было светло, но как только последние отблески погасли, мрак еще более плотной пеленой накрыл меня.

Обреченно я поднялась с пуфа, потухшие глаза оторвала от таких же глаз в зеркале. Поплелась прямо в обуви на кухню, уже там вспомнила, что пакеты и колбаса все еще валяются в прихожей...

У меня уже было несколько зарекомендовавших себя способов бороться с внутренним мраком: бессмысленный шопинг, театр, кинотеатр, книга. Забыла что-то еще приятное... Ах, да! Зеленый чай и головкружительный десерт в кафе с подругами. И сейчас мне хотелось выбрать именно это.

Подруги, которые приезжают по твоему первому тревожному звонку ночью, или отдают тебе только что купленное платье, потому что тебе нечего одеть на свидание, отсутствовали в моей жизни. Но я могла похвастаться несколькими очень близкими мне людьми. Все они были женщинами и так или иначе в определенный период моей жизни глобально повлияли на меня, они признавались, что и я на них. Вот с кем можно было поговорить. Нет, просто помолчать.

Я бросила взгляд на квадратные часы. У меня было еще четыре часа свободного времени.

Я называю свое время «свободным» условно. Такого времени у меня уже давно не было, я всецело принадлежала своей семье, я даже была неспособна представить себя, как отдельную единицу с отдельными желаниями и интересами. Но иногда я усилием вырывалась и позволяла себе часа на два ощущать себя автономным самодостаточным единым целым.

Только я, мои желания, мои мысли, мои слезы и мои улыбки.

Пока я разбирала пакеты, я набрала номер Светы, и она согласилась встретиться со мной через час.

Глава 2.

Света с обновленным рыжим цветом волос грациозно плыла по оранжевой от весенних лучей улице. Я и не заметила, как в город пришла весна. Подруга широченной улыбкой напомнила мне об этом. Как кстати меня нашли новые очки!

Со Светой нас связывали три года танцев в ночных клубах в конце девяностых. Мы были безденежными студентками. Танцы заменяли нам коктейли, еду и даже парней. Вход до одиннадцати вечера девушкам был бесплатным, поэтому наши затраты равнялись стоимости проезда на троллейбусе. В шесть утра заканчивалась дискотека, и начинал ходить общественный транспорт. Поэтому с одиннадцати до шести – было временем ритма и забытья. Танец для нас был больше, чем жизнь.

Я жила танцуя. Если я не могла танцевать в силу каких-то обстоятельств, например, в институте, на работе, в троллейбусе, то я танцевала внутри в воображаемом зале. В зависимо-

сти от настроения, я могла отбивать чечетку или плавно кружиться в вальсе, или качать хип-хоп.

Через несколько лет жизни на танцполе мы повзрослели, и пути наши начали расходиться. Света вышла замуж. Я устроилась на ответственную перспективную работу, которая на два года сделала меня человеком, пропавшим без вести. Моя подруга, опомнившаяся от медового периода семейной жизни, вдруг обнаружила, мою пропажу. Она нашла меня в удрученном состоянии, мое нервное истощение начало уже граничить с безумием. Напившись, теперь уже нам обоим финансово доступным, «Мартини», я поклялась бросить все и начать заново. На следующее утро я исполнила клятву – на столе генерального директора лежало заявление об увольнении с такой должности, о которой некоторые даже боялись мечтать не только в двадцать шесть, но и в сорок.

Благодаря Свете и Мартини я начала все заново, она поддерживала меня, как могла.

Потом на новой работе я встретила своего будущего мужа, и на этот раз сама потеряла подругу из виду на долгое-долгое время.

Нашли друг друга в соцсети год назад, и теперь продолжили нашу дружбу, как будто и не было никакого расставания. Мы активно переписывались, созванивались и встречались. Правда, теперь «часто» для нас значило совсем не то, что пятнадцать лет назад.

У Светы был уже совсем взрослый сын, оканчивал школу в следующем году. Она признавала, что уже несколько лет, как потеряла возможность влиять на него. Но подруга все равно нашла способ быть близкой ему. Многие родители презирают молодежную моду, музыку и увлечения. Застывая в своей молодости, не желают признавать ничего нового, свежего. Света перешагнула этот барьер. Она часто шокировала меня нарядами и видеозаписями на своей страничке в соцсети. Освоила сноуборд и ненавязчиво была очень надежной опорой своему ребенку, не только при катании с гор, но и по жизни.

Узкие джинсы подчеркивали спортивную фигуру, а белая футболка с фиолетовым черепом вообще делала Свету не похожей на маму старшеклассника. В ушах болтались серебряные рыбы хребты. Да, вот бы с кем я точно не хотела бы делать покупки!

– Что за дохлятина у тебя в ушах? – шепнула я ей, целуя в свежую румяную щеку.

– Сама ты дохлятина! Это – писк моды. А на трусиках у меня черепки в треуголках!!! – Света плюхнулась на диванчик, и хитро подмигнув, приспустила джинсы, оголяя подтянутый живот и кусок белой ткани с красными черепами. Очень довольная своей проделкой и моим смущением от ее хулиганства, она вся сияя, стала внимательно изучать меню.

Иногда она бросала на меня глубокие пронизывающие насквозь взгляды. Ей не требовалось задавать мне вопросы, казалось, что мы вообще никогда не спрашивали друг у друга: «Что у тебя стряслось?». Я ждала, когда она полностью отсканирует меня и выдаст свое заключение.

Так как я давно сделала свой заказ, мне лишь оставалось рассматривать весну из огромного, свежeweымытого окна кафе. Мимолетное одиночество возобновило диалог с самой собой.

Двадцать первый век – это век триумфа информации. Газеты, журналы, радио, ТВ, интернет – воздух больших городов и уже маленьких поселков пропитан словами, песнями и новостями со всего мира. И мода, мода, мода.

И вот новое веяние – пираты. Дамское белье и детская одежда в скелетах и черепках, даже официальные лица позволяют себе нацепить галстук с черепком или пиратскими треуголками. Одним словом – легкое мировое помешательство. И Света туда же!

А я до сих пор не видела этого сверхмодного фильма! Может, и мне стоит отдаться этому безрассудству? За одно – буду ближе к детям. Я знала, что на Новый год, сын хотел костюм пирата, а я сшила ему маску и плащ Зорро. Пришлось смотреть вместе фильм о благородном испанце, потому что ребенок наотрез отказывался надевать черный плащ и широкополую шляпу. Я обещала на следующий новый год сшить пиратский камзол и найти треуголку.

Да и вообще, я всегда любила быть в курсе всех модных тенденций и новинок, но в последние года два у меня пропало чутье на такие вещи.

– Светик, а давай на «Пиратов» сходим, – я ожидала усмешки в свой адрес. Но Света не усмехнулась, а расхохоталась, у нее даже меню из рук вывалилось.

– Подружка моя, «Пираты» давным-давно прошли в кинотеатрах. Я говорю уже о второй части, первая – была три года назад! Но можно пойти ко мне. У меня на проекторе посмотрим, почти, как в кино будет. А тебе вдруг зачем, ты вроде не жалуешь голливудские картинки?

– Не жалую. Но внутренний голос мне нашептывает, что этот фильм можно посмотреть. Раз даже моя Света нацепила на себя пиратские атрибуты, и гордиться ими, значит, нужно дать Голливуду хотя-бы один шанс. В пиратах что-то есть, правда, меня немного пугают трюмы с плесенью, – я хотела, чтобы мой голос звучал бодро, но вышло не очень.

Света передернулась, и решительно захлопнула меню. Я раскисла еще сильнее, потому что к морщинкам вокруг глаз прибавилось полное отсутствие чувства времени и чувства нового: надо же фильм появился три года назад! А мне казалось, что совсем недавно...

– Э-э-э, подруга, я то все гадаю, что у тебя стряслось! Оказывается, не так все страшно. Плесени, значит, боишься? Тебе не кино нужно смотреть, а порядок в белокурой головке навести! – Света открыто заглянула мне в глаза, как будто кортик в меня метнула. От этого взгляда во мне начало что-то набухать и давить. Я понимала, что мне неизбежно придется сказать Свете всю правду о своих страхах и переживаниях. Когда они зрели в моей голове, они казались такими значительными и всепоглощающими, но как только я собралась сформулировать всё вслух, их монументальность лопнула. Я даже растерялась. Но если ни Свете, то ни кому. А это сведет меня с ума. Поэтому, вздохнув, я смело начала.

– Ты права, в моей «головке», как ты точно выразилась, полный хаос, паника и безнадежная тоска, – слезы застряли и не давали мне ровно дышать, поэтому я смешно засопела, пришлось сделать паузу. Я уткнулась в чашку с чаем. У меня была дурацкая привычка – во время важных разговоров и признаний, я редко смотрела собеседнику в глаза. Вот и сейчас у меня не было возможности увидеть, как Светины глаза иронично улыбались.

– Не может быть, – Света ехидно хихикнула, – всё в этой головке! Поверить не могу, откуда там столько места, ведь еще и мозг должен вмещаться?!

Краем губ, который мне с огромным усилием удалось поднять, я дала знать, что еще реагирую на ее шутки.

– Дело в старении, в апатии, в том, что я не знаю, куда и зачем иду. А главное – мне кажется, что идти куда-то уже поздно, – слезы дошли до места назначения и зацепили слизистую носа и глаз.

– Ты запуталась и жалеешь себя, поэтому, нет сил разобраться. Хватит нюни распускать! Соберись! – Света, как всегда, была строга в моменты моего раскисания. Я утерла слезы, но новые капли опять упали на синюю скатерть, мокрые места казались черными чернильными пятнами.

– Не жалей себя, чтобы не случилось с тобой, и не жалей ни о чем, – металлом звенела Света.

– Я, вроде, и не жалею. Но, ты знаешь, мне кажется, я несчастна, а главное, нет причин для несчастья. Я совсем не понимаю себя. Действительно, запуталась. Мне кажется, я старею, начало происходить необратимое физическое угасание. Я к нему оказалась совершенно не готова. Я еще ничего не успела почувствовать и прожить!

– Подруга, это все гормоны. Повода для слез нет, – Света, протянув руку через столик, нежно погладила меня по голове. Я знала ее такой жест. За ним всегда следовала нравственная оплеуха.

– Только вот ты сама все портишь, ты совсем потеряла себя и распустилась до неузнаваемости. Пятнадцать лет назад я даже и представить бы не могла, что ты превратишь себя в

развалину в таком молодом возрасте, – я низко опустила голову, переваривая ее слова. Потом воскликнула, но как-то неубедительно:

– Мне уже тридцать шесть! Это ты называешь молодым возрастом, ты издеваешься! – но тут же опомнилась. Ведь Света была старше меня на три года, но я без обид и зависти осознавала, что старше выглядела я. Её глаза иногда светились такой восторженной юностью, что я начинала верить в возможность бессмертия. Я давным-давно зачем-то отучила себя так искренне и открыто восторгаться чем-либо и все чаще жалела об этом. Я умолчу о спортивной подтянутой фигуре и о легкости, которая сквозила в каждом ее жесте.

– Тебе еще тридцать шесть! А что же ты будешь делать в пятьдесят или в семьдесят лет? Какой пример детям подаешь?! – Света от негодования изогнула брови угрожающими луками, гладкий лоб покрылся рябью тоненьких морщинок. Я собралась оправдываться.

– Ничего не хочу слышать, – она метнула в меня очередной взгляд-кортик, – Просто подумай хорошенько о том, что ты делаешь.

– Я обещаю, – согласилась я.

– Обещает она!!! – Света, нахмурившись, смотрела на меня.

– Покажи мне кино. Давай я начну обдумывание своего поведения с того, что просто переключусь на пару часов и посмотрю фильм, – Света улыбнулась очень сдержанно, но по теплым лучикам в глазах, я поняла, что даже такой развалиной она любит меня.

– Будет тебе кино! – ласково рассмеявшись, ответила она.

Было решено, что после чаепития идем к ней. Я смело и без оглядки вычеркнула из сегодняшнего списка еще несколько дел и продлила свою самоволку.

Света жила в новостройке. Каждый раз, входя к ней в дом, я ощущала невесомость. Просторная прихожая с окном. Огромная гостиная с двумя окнами. В ее доме было столько света и воздуха, что от непривычки начинала кружиться голова. И еще абсолютный порядок и чистота, но не холодная больничная, а чистота причиной которой является отсутствие в доме лишних вещей. Одним словом, я обожала бывать у нее.

Каждый раз я давала себе обещание, что, вернувшись домой, немедленно начну избавляться от старого хлама, но мне никогда не хватало запала. У меня опять замелькали мысли, как выкину из шкафов ненужные вещи, которые портили настроение по утрам.

Плотно зашторив все окна, мы уселись на мягком диване и впились глазами в огромный экран. Света призналась, что смотрела этот фильм уже три раза, но по ее заинтересованности в это трудно было поверить, складывалось впечатление, что его она видит впервые.

Я с детства была равнодушна к пиратам. Да тут все банально – девочкам всегда нравятся плохие мальчики. И мне тоже нравились. Помню, как я два года подряд была влюблена в капитана Немо. Он, конечно, положительный персонаж, но все-таки в нем жил настоящий дух бунтарства, в нем жила тайна. «20 тысяч лье под водой» я прочитала в одиннадцать лет. И хотя это было давно, мне показалось, что та часть меня, любящая тайны и корабли, еще жива во мне.

Итак, я, как и Света, устроившаяся в мягких подушках, как и миллионы других людей на откидных сидениях в кинотеатрах, на диванах в гостиных, в офисных креслах и уютных незаправленных кроватях, встретила с глазами главного героя.

Очаровательное кино. Прекрасные актеры. Но уже через пятнадцать минут после просмотра я не могла вспомнить последовательность трюков и примочек. Я даже за Свету расстроилась, потому что фильм явно не стоил того, чтобы смотреть его с упоением четвертый раз. Наверное, она притворялась ради меня.

Зато теперь я точно представляла, какой костюм подарю сыну на Новый год, у меня было больше восьми месяцев в запасе, чтобы найти нужные ткани и материалы. Я неплохо шила, правда, очень медленно. Но к декабрю должна была успеть.

Благодаря утренней встрече с подругой, дочку я забрала обновленная. И когда она попросила меня дать померить ей мои новые очки, я без сожаления отклеила их от своей переносицы.

сицы. Я чувствовала себя моложе и сильнее, как будто в меня влили целебный эликсир. Мое утреннее желание перед зеркалом вызвало теперь во мне улыбку. Как можно всю жизнь проходить в темных очках!

Эта улыбка-усмешка над собой была первым шагом к моему перерождению.

Вот моя история.

Глава 3.

Полоска горизонта была фантастического розового цвета, я не могла оторвать глаз от волшебного сияния над морем. Нежные переливы неба предупреждали о восходе солнца. Песок под ногами был еще прохладен и влажен, но каждая песчинка дарила моим ногам такую легкость, что я не чувствовала холода. Теплый южный ветер обдувал мне лицо, и каштановые длинные пряди моих волос приятно щекотали щеки, шею и плечи. Синий шелк платья то раздувался, как парус, то заботливо окутывал тело. Туфли я держала в руках, и ощущение песка под ногами заставило полностью забыть, кто я и зачем я.

Волны звали к себе, но мне казалось, что вода еще холодная и я отстранялась от их языков. Пляж был необитаем и выглядел совсем диким. Я решила, что как только солнце взойдет и немного нагреет песок, я непременно искупаюсь. Пройдя несколько сотен шагов, я наткнулась на белый большой камень причудливой формы, он был похож на яблоко, которое откусили. Укус в камне мог сойти за отличное место для отдыха и наблюдения за рассветом. Я устроилась в нем. Очередная волна оказалась настойчивой и окатила мои ноги теплой, как парное молоко, водой. Мне даже показалось, что она погладила меня, настолько нежным было ее прикосновение. Наверное, я оказалась в раю. Какое-то время тихий шум прибоя ласково пел о чем-то, а я сидела на камне и вглядывалась в рождение нового дня.

Вдруг за спиной я услышала какой-то шум и мужские голоса. Я обернулась, чтобы лучше разглядеть, кто еще в такой ранний час прогуливается по пляжу, и застыла в изумлении. Ко мне бежали какие-то люди. Расстояние между нами сокращалось неимоверно быстро. У меня даже не оказалось времени, подумать о том, чтобы бежать, я лишь успела вскочить с камня. Самый первый был уже не больше, чем в десяти шагах от меня. Мы встретились с ним глазами, и я тут же узнала его – это был пират из фильма, который я посмотрела вчера. Но это был не совсем он, то есть это был не голливудский актер в гриме и костюме. Это был пират. У него не были накрашены глаза, рубаха была сильно измята и испачкана в крови, а лицо искажала гримаса убийцы. Девушки, момент абсолютно лишен романтики, потому что человек этот был не то чтобы привлекателен – он был ужасен. Глаза, как черные дыры, слипшиеся длинные волосы (по-моему, с запекшейся кровью), губы потрескавшиеся. Мне показалось, что я стала вникать в смысл фразы «запахло смертью». Больше я ничего не успела разглядеть.

– Ах ты тварь!!! Воровка! – остолбеневшая от ужаса и удивления, я была сбита с ног и лежала на песке, руки больно выкручены. Во рту и глазах тоже песок.

Я попыталась вырваться, но лишь взвизгнула от боли – в спину мне уперлось колено и вжало в землю так, что трудно стало дышать.

– Где ключ? – голос страшен. Я не знала, где ключ, и вообще мало что соображала. Что за пересечение жизней? Где-то я читала о таком в бульварных романах или у фантастов. Что же делать? Честно говоря, я испугалась не на шутку. Песок попал в нос, и дышать стало невозможно. Наверное, я потеряла сознание.

Утром я поняла, что это был сон. Только вот очень давно я не видела таких снов. Цвета, запахи и прикосновения – казались невероятно реальными. Такое только в детстве. В ванной после душа я обнаружила на руке синяк, полюбопытствовав и разглядев спину, еще один. Но не очень удивилась, читала много книг по психологии, где и не о таком рассказывали.

Я сварила кофе. Но даже такой приятный и сильный аромат не смог вытеснить запах морского песка, который исходил от моей кожи. Накормив семью завтраком и отведя детей в школу и сад, я занялась своими обычными домашними делами. Но весь день меня пресле-

довали крики разгневанных пиратов и шум морского прибоя. Я все время вздрагивала и как будто боялась чего-то.

Но прошла неделя, и я уже не вспоминала ни о каком сне, мне вообще ничего не снилось. Каждую ночь я усypала легко, спала крепко и безмятежно, как младенец.

Глава 4.

Я открыла глаза. Голова раскалывалась от боли, и тошнило. Я полулежала на каком-то кресле.

Небольшая, обшита деревом комната была залита солнечным светом, от этого силуэт человека, сидевшего напротив меня, напоминал темно-лиловую тень. Яркий свет больно бил в глаза, рассмотреть отчетливо что-либо не было возможности. Видимо, поняв мои мучения, тень подошла к окну и задернула плотную льняную штору. На секунду мне стало легче, но лишь на секунду. Когда я сфокусировала взгляд, то поняла, что мои смутные опасения подтвердились – это был пират из прошлого сна.

Я никак не могла вспомнить, как его звали в фильме. Из школьной истории я помнила лишь морского разбойника из Португалии по имени Фернандо Пинту. Но вроде имя было английским, может быть, Джон или Джек. Да! В голове, как иглой кольнули – точно, его звали Джек.

Видимо, за время, что я была без сознания, он переоделся, потому что небрежно заправленная рубашка слепила белизной, запекшейся крови в волосах, как не бывало.

Он был невысоким и нельзя сказать, что очень крепкого телосложения, густые черные волосы были убраны в хвост. Да что тут описывать – все знают, как выглядит этот человек. Единственное, что разнилось с фильмом – невероятная сбалансированность и цепкость движений. Никакого кривляния. Это сразу бросилось в глаза. Представить этого человека в замешательстве или суете было просто невозможно, он двигался как бы чуть-чуть замедленно. Всё – как он опять сел в кресло, как насыпал табак в трубку, как стряхнул с панталон табачную пыль – сквозило какой-то невероятной силой и в то же время расслабленностью. В уголках обветренных губ пряталась не ирония, как в фильме, а, скорее всего, жесткость, казалось, что его скулы, подбородок и рот высечены из камня и не могут двигаться и выражать эмоций.

Что-то было манящее и таинственное во всем его облике. Почему-то мне вспомнился капитан Немо.

Все это время он не смотрел на меня, но когда он поднял глаза, я поняла, что так напугало меня на пляже. Пират вцепился в меня взглядом, от которого засосало под ложечкой. Казалось, что вся сила и энергия этого человека были сосредоточены в черных бездонных зрачках. Хриплым низким голосом он произнес, смакуя каждое слово:

– Я убил бы тебя еще на пляже, но ты не сказала, где ключ. Наглotalась песка и потеряла сознание. Тебя пришлось, как следует встряхнуть и заодно обыскать. Ключ не с тобой, тогда где он? – я низко опустила голову, пытаюсь защититься. Мне казалось, что если я посмотрю в его глаза еще раз, то сторю заживо. Нужно было что-то отвечать, потому что все в этом человеке убеждало, что он может не только ударить меня, но и пытаться. Голые ноги в мешок с голодными крысами, например, или еще что-то более жуткое. Но тошнота не давала мне сосредоточиться, кровь пульсировала в висках, и удары сердца сопровождалась тугой болью. Голова совсем не соображала, и я не могла ничего сказать, кроме правды.

– Не понимаю о чем вы, – я с трудом заставила свои губы и язык шевелиться, от этого голос звучал тихо и обреченно. Конечно, мой ответ Джека не удовлетворил, а разозлил еще больше. Он с невероятной скоростью и ловкостью схватил мою правую руку и прижал ее к столу. К мизинцу приложил изогнутый месяцем нож.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.